

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ

МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ МОСКВА

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА

Кафтанов

Эдуард Хруцкий

Место преступления – Москва

«СОЮЗ»

1994

Хруцкий Э. А.

Место преступления – Москва / Э. А. Хруцкий — «СОЮЗ»,
1994 — (Кафтанов)

ISBN 978-5-6050124-1-2

Следствие ведет старший оперуполномоченный уголовного розыска – подполковник Игорь Дмитриевич Корнеев. 1982 год. Москва. В столице происходит серия дерзких ограблений. Преступники явно работают по наводке, нападающих всегда двое, они одеты в синие халаты и маски, грабят исключительно людей, многократно выезжавших за границу. Во время последнего ограбления у одного из преступников упала маска и жертве удалось рассмотреть его лицо. Возможно это поможет следствию сдвинуться с мертвой точки. 1983 год. Сочи. В салоне припаркованного «мерседеса» найден убитый коммерсант из Вены, возглавлявший советско-австрийское предприятие «Антик», занимающееся реставрацией и копированием антикварных изделий. Пуля вошла в стекло со стороны водителя и точно поразила висок того, кто раньше носил имя Отто Мауэра. Возможно это дело рук наемного убийцы Жака Лебре, которого разыскивает Интерпол или же несчастный стал жертвой криминальных разборок. Сыщикам МУРа предстоит непростая работа, чтобы выяснить все детали этого преступления.

ISBN 978-5-6050124-1-2

© Хруцкий Э. А., 1994

© СОЮЗ, 1994

Содержание

I. Последняя осень	6
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Эдуард Хруцкий

Место преступления – Москва

© Э. Хруцкий (наследники)

© ИП Воробьёв В. А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

* * *

І. Последняя осень

Пролог

Ленинград. Январь. 1943 год

Трунов словно выплыл из крутящейся снежной серости подворотни. Прямо на Егорова. Как в сказке.

Егоров даже растерялся. Месяц они бегали по городу, и на тебе – на Лиговке спокойно выходит из дома сам Степа Трунов.

Трунов увидел Егорова и начал сбавлять шаг, но обшитые кожей белоснежные фетровые бурки сами ехали по наледи, и он не подошел, а скользнул к оперу.

– Стой, Трунов, – устало сказал Егоров и потянул пистолет из кармана.

Трунов поднял руки. Черт его знает, этого опера. Худой, кожа аж к костям приросла, мало ли какое у него нервное расстройство от голода. Пальнет – и конец.

– Опусты руки и давай к трамваю!

– На Дворцовую повезешь, начальник?

– Нет, в Летний сад на прогулку.

Они подошли к трамваю, и Трунов заметил, как натужно и хрипло дышит опер, с каким усилием идет он против ветра.

А Егорову действительно было плохо. Видимо, доконал его голод и недосып. Да работа милицейская. В уголовном розыске в мирное-то время жизнь не сахар, а в блокаду...

Слава богу, что трамвай пришел сразу, хоть от ветра укрыться можно.

Они вошли в пустой вагон. Кондуктора не было и вообще никого не было. Окна трамвая были забиты щелистой фанерой. Спинки скамеек, ручки, стены покрыла серебристая изморозь. Вагон нещадно трясло, ветер задувал с площадки, и Егорову было необыкновенно холодно. Он сжался на лавке, подняв воротник кургузого пальто и глубоко натянув кепку.

Задержанный сидел напротив. Не по-блокадному румяный, в богатом пыжике, в темно-коричневом кожане с каракулевым воротником, он с любопытством, беззлобно рассматривал Егорова.

Опер сдавал на глазах. Его лицо становилось все блее и блее. Егоров хотел что-то сказать, попытался приподняться и покачнулся на скамейке, потеряв сознание.

– Эй, – тихо позвал его Трунов и потряс за плечо. – Эй!

Опер не отвечал.

Тогда он осторожно вынул у него из кармана пистолет, переложил в свой.

Трамвай заскрежетал на повороте. Остановился. Канал Грибоедова.

Трунов спрыгнул с подножки, свернул в первый же двор и растаял в ленинградской зиме...

Москва. 4 сентября. 1982 год. 14.00

Ах, какая осень висела над кладбищем! Солнце в церковных куполах переливалось. В безветрии тихо планировали на землю желтые листья.

Медь оркестра, приглушенная расстоянием, сливалась с голосами, доносившимися из дверей церкви.

На площадке перед церковью стоял автобус. Рядом – люди в темных костюмах и платьях.

Трое держат в руках алые подушечки, на которых ордена, медали, какие-то знаки.

Наград не очень много, но они все-таки есть. Провожающие подходят и рассматривают оценивающе, словно точно зная, что стоит за каждым орденом, каждой медалью, каждым почетным знаком.

Борис Павлович Громов посмотрел на часы и протиснулся сквозь толпу к Желтухину.

Тот стоял неподвижно, внимательно рассматривая резьбу на дверях церкви.

– Степан Федорович, а где же Михаил Кириллович? Надо начинать похороны.

– Ничего, – Желтухин усмехнулся, – покойник подождет. Ему торопиться некуда.

Желтухин отвернулся и подставил лицо солнцу. Был он в темном костюме, над карманом пиджака нашивки за ранения. И все.

Никаких колодок. Никаких знаков. Только ранения, два тяжелых и одно легкое.

Осеннее солнце окрасило седину, сгладило морщины на лице Желтухина. И стало молодым, снисходительным и ироничным.

У ворот кладбища остановились ухоженные «жигули» и броские иномарки. Вылезали из них люди, совсем не похожие на чиновничью братию. Модно одетые, с громадными охапками цветов.

Они почтительно кланялись Желтухину. Тот кивал снисходительно. Как хозяин, начальник большой. Это деловая Москва приехала на похороны.

К воротам подъехала «Чайка», шофер засомневался на секунду, притормаживая, а потом направил машину прямо к толпе у автобуса.

И она расступилась почтительно, эта толпа. Кто-то раньше всех успел открыть дверь.

Михаил Кириллович, в светлом костюме, высокий, чуть грузноватый, вылез из машины. Кивнул всем. Направился к автобусу.

Печальная процессия прошла по центральной аллее, свернула на боковую.

– А почему оркестра нет? – спросил один из провожающих.

– Михаил Кириллович не любит...

Вот уже на могиле холмик возник, обложенный венками. Увели вдову, народ начал расходиться.

А Михаил Кириллович, Желтухин и Громов все стояли.

– Вот, Борис, – сказал Михаил Кириллович, – день этот надолго надо запомнить. Какой день-то сегодня?

– Вторник, – усмехнулся Желтухин.

– Число какое, остряк?

– 4 сентября.

– Значит, похоронили мы Пашу Сергачева 4 сентября 1982 года. – Михаил Кириллович произнес это со значением. Начальственно.

– Кажется... кем он был-то, Пашка? В приемной у меня сидел, без него как без рук.

Желтухин опять усмехнулся иронически и зло.

Громов слушал почтительно, корпусом подавшись к говорящему.

– Ну что же, ему спать вечным сном, а нам дела вершить. Пошли.

– Миша, – сказал Желтухин, – на поминки зовут.

– Назвал, наверное, кого ни попадя? Народ-то нынче нахальный, этики не понимает.

– Нет, – продолжал Желтухин, – там только свои.

– Ну если что? А где стол-то накрыли?

– Да в «Архангельском». Музыкантов позвали.

– Это днем-то?

– Все как ты любишь.

– Пожалуй, Громов, поедешь с нами, – распорядился Михаил Кириллович. – Пойди к себе в машину, позвони, чтобы дорогу нам расчистили.

По пути к машине Михаил Кириллович несколько раз останавливался, разглядывал памятники.

– А кладбище ничего, – сказал он, – конечно, не такое престижное, но ничего.

– Миша, – Желтухин взял его за руку, – мне кажется, ты меня за дурака держишь.

– Ты о чем?

– Об этом деле с машинами.

– А тебе денег мало? Как паук насосался – ну и сиди. У тебя ни расходов, ни трат.

– Миша, не считай чужие деньги. Лучше будет, если ты мне мои отдашь.

Последнюю фразу Желтухин произнес жестко.

– Ты, Степа, меня никак пугаешь?

– А что мне тебя пугать, Миша. Ты же знаешь, у меня про твою жизнь все бумаги собраны.

Хоть роман пиши из серии «Жизнь замечательных людей».

Михаил Кириллович посмотрел на Желтухина. Недобро. Нехорошо посмотрел.

– Получишь, скорпион старый. Получишь.

4 сентября. 8.35

Врач медленно ввел иголку в вену, надавил на головку шприца.

Игорь Корнеев увидел, как лицо женщины, синюшно-болезненное, начало постепенно розоветь, молодеть просто на глазах. Исчезли синие тени, губы словно налились кровью, в глазах появился живой блеск.

– Вы можете говорить, Лариса Петровна? – Корнеев подошел, сел рядом.

– Да.

– Как было дело?

– В час ночи мне позвонил человек, сказал, что он говорит из Шереметьева, что он привез посылку от Николая.

– От вашего мужа?

– Да.

– Где ваш муж?

– В Лиссабоне, в командировке.

– Вы сами попросили его завезти вам посылку?

– Нет, он сказал, что переезжает во Внуково и утром улетает домой.

– Куда?

– Я не спросила.

Женщина откинулась на спинку дивана и закрыла глаза.

– Воды, – обронил Корнеев.

– Не надо, спасибо.

– Вы можете говорить?

– Конечно. Их было двое. В масках и синих халатах. У них были пистолеты. Они потребовали деньги и чеки.

– Вы отдали?

– Да. Семьсот рублей и полторы тысячи чеков.

– Что они еще забрали?

– Магнитофон и мою дубленку.

– Они угрожали вам?

– Да. Кричали, страшно матерились.

– Голоса их вы запомнили?

– Один был грузин.

– Почему вы так думаете?

– Во-первых, акцент, а во-вторых, когда я потеряла сознание и потом пришла в себя, то один другого называл Нугзаром.

– А дальше?

– Грузин сказал: «А бабенка ничего, только вроде концы отдала она». Второй подошел ко мне, пощупал пульс, засмеялся: «Нет, сомлела немного, и все». Грузин увидел у меня на шее цепочку, наклонился, маска упала.

– Вы запомнили его лицо?

– Да.

Корнеев встал, быстро вышел в другую комнату, где работали эксперты. Прищурился на секунду от вспышки фотоаппаратов, огляделся.

– Логунов, – позвал он оперативника, – поезжай в управление, привези альбом.

Логунов уехал, и время остановилось. Оно стало плотным и липким. Так всегда бывало, когда машина слегка начинала останавливаться, словно у нее полетело колесо на трассе во время многодневной гонки. Рядом с Ларисой Петровной сидел врач, в соседней комнате тихо переговаривались эксперты-криминалисты, тяжело вздохнула в коридоре собака. Игорю захотелось пить, и он пошел на кухню. Зита, огромная серо-черная овчарка, лежала в коридоре у дверей, положив на лапы лобастую голову.

– Ну что, подруга, устала? – спросил Игорь.

Собака помела хвостом по полу, провожая Корнеева добрыми карими глазами.

Игорь заглянул к экспертам:

– Ребята, я пить хочу.

– За газировкой сбегать? – хитро прищурился эксперт Витя Шеин.

– Хорошо бы, конечно, но от тебя разве чего хорошего дождешься. Кран на кухне вы обработали?

Шеин молча посмотрел на Корнеева. Ему даже отвечать не хотелось на подобную глупость.

– Понял, – усмехнулся Игорь.

На кухне он напился прямо из-под крана пахнувшей хлоркой воды. В животе от нее сразу стало мутно.

Игорь сел у окна и закурил.

На соседнем карнизе о чем-то добро переговаривались голуби. Их курлыкающие голоса создавали некую обстановку покоя, размагничивали, уводили от этой квартиры в нежную московскую осень.

А Игорь любил ее. Видимо, в каждом человеке заложен свой генетический код. Одним лучше зимой, другие внутренне распрямляются летом, кто-то весной себя хорошо чувствует. А он, Игорь Корнеев, ощущает прилив сил именно осенью. Но вместе с тем в осени этой скрыта для него ловушка. Как только начинается бабье лето, совсем Игорю работать не хочется. Хочется гулять по улочкам Замоскворечья, или по Басманной, или по Чистым прудам, бесконечно повторяя стихи, вычитанные в повести Паустовского «Время больших ожиданий»:

Осенний воздух тонок и опасен,
Иной напев, иной порядок дней,
И милый город осенью прекрасен,
И шум его нежней.

Осенью Игорю становилось грустно. И он становился особенно эмоционально восприимчив. А это в его службе было лишнее. Совсем ненужное ему. Игорь посмотрел на часы. Логунова пока не было.

Конечно, надежда на то, что хозяйка опознает нападавшего по фотографии, была весьма эфемерной. Да и что можно было требовать от женщины, попавшей в такую немыслимую ситуацию.

Но все-таки это был шанс. Да и сам Корнеев родился не сегодня и в розыске вкалывал который год. Были у него сведения. Были. Но тоже весьма приблизительные.

Ограбление этой квартиры третье. Группа работала четко по твердой наводке. Грабители навещали только людей, многократно выезжавших за рубеж.

Причем дверь хозяйка открывала, находясь в полной уверенности, что ей привезли посылку от мужа. Значит, наводчик не просто знал, что муж Ларисы Петровны уехал, но и мог предположить, что он обязательно передаст нечто с оказией.

Методика ограбления разительно схожа. Всегда двое, маски, синие халаты. Правда, в тех двух случаях грабили ночью, после двенадцати, а здесь работали в семь утра.

Пятнадцать лет назад он, Корнеев, после школы милиции пришел работать в Свердловский райотдел. Все считали, что ему крупно повезло: он миновал самую сложную инстанцию – отделение.

Тогда он работал в группе, занимающейся раскрытием квартирных краж.

Кажется, сколько времени прошло? Всего пятнадцать лет. А как все изменилось! Он помнит старых квартирных воров. Небритых, опухших мужиков в мятых мосшвеевских костюмах. Брали они в основном носильные вещи и хрусталь. Сбывали все это стремительно, здесь же. Знакомым буфетчицам и продавщицам.

Сейчас грабитель стал иным. Его больше не интересует громоздкий тяжелый хрусталь. Золото, чеки, импортная радиотехника, меха. Ну и, конечно, наличные.

Вообще за эти пятнадцать лет многое изменилось.

Работать стало невыносимо трудно. По чьим-то командам прекращались оперативные разработки, возникали дутые уголовные дела.

Ворье ходило в обнимку с ответственными работниками. Пришедшие откуда-то шустрые руководители принесли в милицию дух делячества.

Обидно и горько было видеть деляг, гуляющих в ресторанах, раскатывающих в «мерседесах», как к себе домой заходящих на Петровку и в МВД.

Как-то Игорь поинтересовался, почему их пускают контролеры на входе.

– А как не пустишь, – ответил старшина, простоявший на этом посту тридцать лет, – у них министерские удостоверения за подписью Щелокова.

– А что же за должность у них?

– Консультант.

Целая толпа «консультантов» развелась в столице с благословения либерального министра. Да и у них в МУРе все шло как-то не так.

Хлопнула входная дверь, приехал Логунов.

– Привез?

– А то.

– Ну начнем, помолясь.

Игорь вошел в комнату, положил перед хозяйкой альбом. Лариса Петровна начала медленно его листать.

– Вот. Это он. – Женщина ткнула пальцем в фотографию.

– Вы не ошиблись?

– Нет.

Корнеев вынул фото из альбома, прочитал вслух. Нугзар Борисович Тохадзе.

Корнеев с Логуновым вышли на кухню. Игорь устало сел на стул, достал пачку сигарет.

– Будешь?

– Нет, – Борис Логунов отрицательно качнул головой, – я свои.

Игорь посмотрел на часы. Десять. Утро только начинается, а кажется, весь день прошел.

– Что у нас есть на Тохадзе, Боря?

– Ничего.

– Связи?

– Практически никаких.

– Тогда давай отрабатывать связи потерпевшей и ее мужа. Нам нужен наводчик.

– Слушай, Игорь! Слушай. – Логунов хлопнул себя по лбу. – Витя Слон...

– Катала. Конюков Виктор Сергеевич.

– Он. Игорь, он жаловался Кольке Бесу, что Тохадзе отнял у него и у Ленки Седого выигрыш.

– Вот это тепло, даже жарко, Боря. Где клиент?

– Обычно он в одиннадцать ходит в Дом кино.

– Куда? – изумился Корнеев.

– В Дом кино. Там завтракает в кафе, потом играет в бильярд.

– Красиво живут жулики в наше время.

– Он же катала.

– Тем более.

Игорь посмотрел на часы.

– Как я понимаю, скоро Конюков придет в Дом кино. Кстати, откуда сведения?

– От того же Беса.

– Поехали.

Корнеев заглянул в соседнюю комнату. За столом следователь майор Евтеев допрашивал Ларису Петровну.

– Евтеев, мы тут по делам сгоняем.

– Погоди-ка, Корнеев, я план опермероприятий набросал.

– Слава, ты его отдай ребятам, я его в оперативно-разыскное подошью.

– Запомни, Корнеев, руководство сказала, что разработку по этому делу ведешь ты.

– Так я и не отказываюсь.

– Тогда езжай.

– Ну спасибо, начальник.

– Ты, Леша, поезжай помедленнее, – сказал Корнеев шоферу, – погодка видишь какая.

– Погода как погода, – недовольно ответил Леша.

Он, как большинство водителей оперативных машин, обожал стремительный бросок по узким улочкам, кваканье спецсигнала, прерывистое мерцание фар.

– Хорошо бы сейчас поехать в Сокольники, в «Сирень». Попить пива, – мечтательно сказал Логунов.

– Знаешь, что такое счастье, Боря?

– Ну?

– Не видеть несбыточных снов.

– Очень остроумно.

– Нехорошо говоришь с начальником.

Логунов хотел ответить что-то веселое, но машина остановилась.

– Вот и Дом кино.

Они прошли мимо вахтерши, симпатичной дамы, читающей «Новый мир», поднялись по лесенке у гардероба и вышли в узкий длинный коридор. Потом спустились вниз.

Игорь раньше никогда не бывал здесь. Он шел через тишину закрытого престижного дома, и странное чувство покоя охватывало его.

На стеклянных дверях кафе висела бумажка, сообщающая, что оно откроется в 11.30.

Игорь огляделся, в противоположной стороне за стеклянными дверями горел свет.

– А там что? – спросил Корнеев.

– Бильярдная. – Логунов подошел и толкнул дверь.

В зале с тремя бильярдными столами в самом углу стоял шахматный столик. За ним играли двое. Один из шахматистов обернулся, увидел Логунова и медленно встал.

Был он не по-утреннему наряден. Темно-синий костюм-тройка, белая рубашка, красивый галстук. Из кармана пиджака торчал кончик белоснежного платка. Но главное было не это. Лацкан пиджака украшал массивный серебряный знак.

Игорь присмотрелся. Где-то он видел это затейливое переплетение серебряных вензелей, букв, корон.

– Привет, Виктор. – Логунов дружелюбно протянул руку.

Конюков пожал ее с неким чувством превосходства. Он понимал, что эти двое из «сыскного» приехали к нему явно с какой-то просьбой.

– Познакомься с моим коллегой. – Логунов кивнул на Корнеева.

– А я его знаю. Вы Корнеев. Точно?

– Да, – удивился Игорь. – А откуда вы меня знаете?

– Конечно, очень смешно, но мы учились с вами в одной школе. Только вы были старше меня на два класса. Вот поэтому вы меня и не помните. Мы всегда помним только тех, кто учился старше нас. Таков психологический феномен восприятия.

– Теперь я вспомнил, – засмеялся Игорь, – где я видел это серебряное чудо, которое вы носите с такой гордостью. За этот знак Леша Тихомиров выменял две редчайшие марки.

– Правильно. Только ваш одноклассник Леша Тихомиров обманул вас. Он проиграл мне этот знак в очко.

– Уже тогда? – ахнул Игорь.

– Что делать, судьба. Но ведь вы приехали сюда не для того, чтобы провести конференцию под девизом «Школьные годы». Так?

– Именно. Виктор, мы ищем Тохадзе.

– Согласно художественной литературе, я должен был бы сказать, чтобы вы искали других стукачей. Но я этого не скажу.

– Разумно.

– Это уже мне решать. Пойдемте в буфет, попьем кофе.

Через несколько минут они сидели за столом. А их обслуживала напарница буфетчицы. Видимо, Витя Конюков пользовался здесь авторитетом значительно большим, чем кинорежиссер Рязанов, скромно стоявший в очереди.

– Значит, так, – Конюков отхлебнул глоток кофе, – вы историю знаете, как он нас с Леной Седым сделал?

Игорь кивнул.

– Ну мы не такие фраера, – усмехнулся Конюков, – он нам пушкой угрожал. И мы кое-что достали.

– Витя, Витя, – Логунов неодобрительно покачал головой, – где достали, не скажешь, конечно.

– Конечно. И давайте об этом не будем, иначе не получится разговора. Короче, стали мы его искать. Глухо. Ни друзей у него, ни подельников. Потом Вероника...

– Какая? – спросил Игорь.

– Ну, та самая, что в Париж соскочила после квартиры Толстого... Сказала мне, что он все время в ресторане «Архангельское» шьется. Мы туда. Приезжаем, там гуляйлово идет. Вся Москва. Видим, сидит наш клиент с Филином.

– С Черкасовым, – присвистнул Корнеев.

– Именно. Ну, с Анатолием Степановичем необходим этикет. Сами знаете, что за человек.

Да уж! Кого-кого, а Анатолия Черкасова по кличке Филин в МУРе знали очень хорошо. Человек, начавший воровскую карьеру карманником в Свердловске, стал непоколебимым авторитетом в уголовном мире. Он был организатором множества дерзких преступлений. Прекрасным разработчиком воровских комбинаций, режиссером налетов, поставщиком крупных мошенничеств.

Он только разрабатывал преступления, поэтому-то и взять его было не за что. Правда, месяц назад его подловили на показе видеопорнухи молоденьким девочкам, суд дал ему два года.

– Так вот, – продолжал Конюков, – мы подошли к столу. Тохадзе увидел нас, засмеялся. Я Анатолию Степановичу все рассказал, он выслушал и велел Тохадзе деньги отдать.

– Неужели отдал? – Игорь закурил сигарету.

– Не все, штука за ним осталась. Пообещал отдать.

– Где?

– Меня в «Архангельском» всегда найти можно, сказал.

– Нашли его потом? – поинтересовался Логунов.

– Нашли. Только Филина по дурочке повязали, и Тохадзе денег нам не отдал.

– Ну а дальше?

– Леня Седой больной лежит, ему желчный пузырь вырезали, как оклемается, начнем по новой.

– Вот что, Витя, – твердо сказал Корнеев, – вы в это дело не лезьте. Видимо, накрылась ваша штука. Тохадзе мы возьмем.

– Ну что же, я жалеть его не буду.

Вот и все.

Сегодняшний налет был третьим за последние полтора месяца. И все они были удивительно похожи. Ночной звонок в квартирах, где муж находился в заграничной командировке... Значит, наводка... А пока... Пока остается только ресторан.

«Архангельское» – своеобразное место. Собирались в нем удачливые, «деловые», защищенные от превратности судьбы родственными связями людишки. Непростой это был ресторан. Здесь сын крупнейшего руководителя гулял с жуликами – начальниками цехов, эlegantные мошенники пили с известными кинорежиссерами. Приезжали сюда и власть имущие попить в компаниях молоденьких девочек. Непростой это был ресторан. Непростой. Защищенный от любых посягательств круговой порукой и телефонным правом. Без всякого желания Игорь ехал в «Архангельское». Он слишком хорошо помнил, как они повязали там Женьку Славутского по кличке Черный, подозревавшегося в наводке на квартиру.

В той квартире жил известный журналист-международник, его жена и бабушка жены. Бывшая жена крупнейшего русского банкира. Сестры его находились в родстве со шведской королевской фамилией, имели огромные вклады в банках, кстати, у самой же старушки Манус тоже были деньги в Швейцарии.

Но деньги эти спокойно лежали в банке под неусыпной охраной швейцарской спецслужбы. В Москве же Нина Сергеевна Манус располагала уникальным «собранием» драгоценных камней, вправленных в кольца, браслеты, диадемы, ожерелья, кулоны и т. д.

Короче, ее нашли в ванной связанную. Грабители пытали ее электротоком, сердце не выдержало.

Старуха оказалась твердой. Пронеся свои сокровища через чекистские экспроприации, соблазн торгсинов, военное лихолетье, она совершенно не собиралась отдавать их нынешним налетчикам.

Так и умерла, упокоив свою тайну.

Когда они с начальником отдела подполковником Комаровым приехали на Бережковскую набережную, то увидели разбитую квартиру. Налетчики торопились, поэтому ломали все,

но так и не догадались открыть шкафчик в ванной, отодвинуть заднюю стенку. Там, прямо в бетонной кладке старого дома, и был вмонтирован сейф.

Приехавший по вызову милиции зять-международник немедленно отверг любые подозрения милиции в отношении людей, посещавших дом.

А Игорь, несмотря на возмущенные возгласы внучки банкира и зятя-международника, все же настоял на проверке окружения. Когда он начал устанавливать людей, занесенных в списки, то даже битые муровские оперы удивились.

Некто, числившийся в списке как полковник КГБ, оказался шофером такси. Тот, кто назывался министром, человек осанистый, владелец шикарной дачи в Раздорах, роскошного «мерседеса» с шофером, оказался трижды судимым мошенником, ныне занимающимся подпольными делами.

Крутился в этой компании и Женька Славутский, выдававший себя за кинорежиссера из Молдавии. При задержании у Славутского отобрали сафьяновое удостоверение с золотым тиснением «Молдова-фильм» и членский билет Союза кинематографистов, в который он никогда не вступал, да и просто не мог вступить.

По всему выходило, что именно Женька навел на квартиру. Игорь уже начал подходы отрабатывать. Внезапно дело передали в министерство. А через неделю Игорь увидел Славутского у кафе «Националь». Женька весело, как доброму знакомому, помахал ему рукой.

И вот опять «Архангельское». И тут Игорь вспомнил, что в ресторане поет Толя Валин, друг его одноклассника Женьки Звонкова.

Корнеев позвонил Жене и попросил его поговорить с Балиным.

– Ладно, – ответил Женя, – поговорю, если застану его дома.

На повороте к «Архангельскому» стоял инспектор ГАИ с запрещающе поднятым жезлом. Водитель притормозил, и, открыв дверь, Корнеев спросил:

– В чем дело, инспектор?

Старший лейтенант молча показал жезлом на внутреннюю дверь ресторана.

Там стояли сияющая на солнце «Чайка», несколько «Волг» и среди них одна с антенной и вполне знакомым Корнееву номером.

– Делегацию принимают? – поинтересовался он.

– Начальство, – неопределенно ответил инспектор, но жезл опустил: свои ребята, с милицейской полосой.

Машина подъехала к ресторану. Корнеев вышел. На дверях висела табличка «Спецобслуживание».

Швейцар, больше похожий на адмирала, замахал руками за двойным стеклом дверей.

Он беззвучно шевелил губами, жестикулировал, словно актер немого кино.

Корнеев усмехнулся и пошел к черному ходу. Но у ворот во дворе сидел еще один до безобразия благополучный вахтер в сизой офицерской шинели.

– Куда?

Он растопырил руки, закрывая проход. Корнеев достал удостоверение.

– Милиция.

Руки начали опускаться, образовав некую щель, куда и протиснулся Корнеев. Он поднялся по лестнице мимо буфета, у стойки которого стояли двое в тренировочных костюмах, и вошел в зал.

Зал был пуст. Только в углу за столом сидели человек десять в темных костюмах.

Но тем не менее музыканты были на месте. На ходу дожевывая, они шли к эстраде.

– А где Толик? – спросил Корнеев коренастого бородатого паренька.

К эстраде подходил худощавый высокий парень в светлых джинсах, темной рубашке.

– Толик, – позвал бородатый, – к тебе пришли.

– Вы ко мне?

– Вы Валин Анатолий?

– Да.

– Я из МУРа.

Корнеев достал удостоверение.

– Слушаю вас.

– Вы не могли бы проехать со мной?

– В Москву?

– Да.

– С удовольствием, а обратно как? У меня работа с семи. Это сегодня нас на сверхурочную вызвали.

– Постараюсь организовать.

– Я только администратора предупрежу.

Толик скрылся в узкой двери, а через минуту появился с человеком в темном костюме.

Он что-то говорил, показывая на него. Внимательно выслушав, администратор пересек зал, подошел к столу, почтительно склонился.

Игорь увидел, как человек, сидевший к нему спиной, встал и направился к эстраде.

– Вы, кажется, Корнеев, – подошел он к Игорю.

– Да.

– Вы меня знаете?

– Так точно. Вы заместитель начальника ГУВД Громов.

– Прекрасно. Это облегчит нашу беседу. Зачем вам певец?

– Вы имеете в виду Валина?

– Именно.

– Мне надо с ним поговорить.

– Это срочно?

– Да.

– Поговорите завтра.

– Но, товарищ полковник...

– Никаких но, Корнеев. Я сказал, завтра. Вы что, не понимаете, для кого он будет сейчас петь?

– Нет. Он мне необходим срочно как свидетель.

– Идите, Корнеев, и чем быстрее вы уйдете отсюда, тем вам легче будет дальше служить.

Громов говорил преувеличенно громко, стараясь, чтобы его услышали за столом. Ну и, конечно, администратор, с нескрываемым удовольствием наблюдавший эту сцену.

За столом услышали, обернулись на голос. И только в этот момент Громов начальственно усталой походкой возвратился на свое место.

Корнеев постоял, потом резко повернулся, краем глаза поймав торжествующий взгляд администратора, прочитал на нем мысли: «Куда, дурак, лезешь, не видишь, что ли, какие люди здесь отдыхают» – и пошел к двери.

На площадке его ждал Толик.

– Вы ко мне завтра утром приезжайте, домой. Адрес знаете?

Игорь кивнул.

Над Сокольниками утро. Еще совсем рано. Пустые аллеи парка прошивают солнечные лучи. Ветерок тащит палую листву. Никого. Только на стадионе «Шахтер» весь двор забит машинами. Все больше «жигули» и «Волги» с личными номерами.

Высокомерно пристроился у самых дверей спортзала серебристый «мерседес».

Поперек двора блестит черным лаком «Волга» со штырем-антенной над крышей. Казенная руководящая машина с ответственными номерами.

Борис Павлович Громов, помахивая спортивной сумкой, вышел из спортзала. Рядом с ним, показывая всем свое знакомство накоротке с этим человеком, Слава Голубев.

Шофер выскочил из машины, услужливо принял из рук шефа сумку и ракетку.

– Ты, Боря, в контору? – спросил Слава.

Это было произнесено без признаков фамильярности, скорее наоборот.

Громов снисходительно улыбнулся, посмотрел на Славу:

– Это ты человек свободный, а мы...

– Генерала-то когда дадут?

– Обещают к ноябрьским.

– Пора, давно пора.

– Ну, будь.

Громов сел в машину, она развернулась и вылетела на улицу. Милиционер, стоявший на углу, бросил руку к козырьку. Слава, улыбаясь, смотрел вслед удалявшемуся автомобилю до тех пор, пока машина не скрылась за поворотом.

В тот же миг улыбка стерлась со Славиного лица. Злое оно стало. Злое и раздраженное.

А Громов ехал по Москве, краем глаза ловя взлетающие к козырьку руки инспекторов ГАИ. Его машину узнавали. От поста к посту передавали сообщение. Перекрывалось движение. Несся по городу черный автомобиль с антенной радиотелефона. В такие минуты Громов, как никогда, чувствовал свою значимость и важность.

В переулке Замоскворечья ломали дома. Стрела экскаватора, словно рука с кистенем, с размаху ударила клин-бабой в грудь маленькому особняку.

Но выдержал домик. Только, как слезы из глаз, брызнули остатки оконных стекол.

И снова отвел «кистень» экскаватор. Клин-баба, угрожающе раскачиваясь на тросе, примеривалась. Снова гулкий удар. Клуб пыли поднялся над улицей.

Треснула стена, посыпалась замысловатая лепнина, медленно начала оседать крыша.

Игорь Корнеев остановился напротив, курил, смотрел, как безжалостно рушат дом. Половина его уже обвалилась, видны были комнаты, обрывки обоев, оставленные умирать вместе с домом вещи.

Корнеев докурил, бросил сигарету и вошел в подъезд трехэтажного здания.

Он быстро поднялся по лестнице. У дверей с табличкой «8» остановился.

Список фамилий жильцов, прикрепленный возле звонка, был длинным и напоминал орденскую колодку.

Игорь безуспешно пытался найти нужное имя. Отчаявшись, нажал кнопку один раз. Дверь приоткрылась на ширину цепочки, и в щель выглянуло недовольное старушечье лицо.

– Тебе кого?

– Толика.

– Ему два коротких и один длинный. Слепой, что ли?

– Очки забыл.

– А ты ему кто?

– Товарищ по работе.

– Работа... Вся его работа водку жрать да девок водить.

– Мамаша, дома Толик, скажите мне толком?

– А где ему быть.

Цепочка звякнула, дверь отворилась.

– Где ему быть, – продолжала старуха, – спит работничек. Нормальные люди уже целый час трудятся, а этот.

Игорь вошел в длинный темный коридор. В его полумраке угадывались сундуки, висящие на стене корыта, вешалки с барахлом, какие-то ящики. После яркого утра полумрак коридора слепил, и Корнеев ступал нерешительно и осторожно.

– Ты прямо, прямо иди, – бубнила за спиной старуха.

Игорь плечом ударился о корыто, и оно глухо загудело.

– Вот его дверь, – сказала старуха, – напротив моей. Так что я все вижу.

Букву «и» в последнем слове она произнесла многозначительно длинно.

У дверей комнаты Толика на крючке висело автомобильное колесо.

Пожилая женщина, повернувшись к Игорю спиной, покопалась в замке, отперла его.

В коридор ворвался свет и слова радиодиктора: «Чем важен для нас сентябрь нынешнего 1982-го? Небывалым подъемом творческих сил всех советских...»

Дверь захлопнулась, и полумрак словно стер многозначительный радиоголос.

Игорь нажал на дверь, и она подалась. Он вошел в странную полукруглую комнату, хаотично заставленную громоздкой старой мебелью. Ногой он зацепился за автомобильное крыло, лежащее прямо на полу, и оно загудело, словно оброненное корыто.

– А. Кто? – вскочил на постели Толик. Он был худой, взъерошенный, со спутанными волосами. – Ты чего, мужик? – хриплым со сна голосом спросил он. – Ты чего?..

Игорь, удачно миновав электроорган и колонки усилителя, подтянул стул и сел около кровати.

– А, это ты, начальник из МУРа. Как он тебя вчера.

Корнееву даже жарко стало от напоминания, он вытер рукой лоб.

– Ко мне в «Архангельское» знаешь какие люди ездят. Так что смотри, – засмеялся

Толик.

– А ты никак меня пугаешь? – удивился Игорь.

– Чего мне тебя пугать.

Толик встал, натянул светлые джинсы.

– Чего мне тебя пугать, – повторил он и улыбнулся.

Улыбка у него была хорошая. Лукавая и добрая. Толик взял со стула рубашку, надел ее, пригладил волосы. И опять спросил:

– Ну что?

– Дело у меня к тебе.

– А раз дело, вызвал бы повесткой.

Корнеев достал сигареты, вопросительно поглядел на хозяина.

– Кури, – разрешил тот и поставил перед Игорем пепельницу, а сам отошел к холодильнику. Вернулся с бутылкой молока и двумя стаканами. – Будешь?

– Спасибо.

Корнеев взял стакан, мелкими глотками стал пить холодное молоко.

– Можайское?

Толик молча кивнул, допил молоко, поставил стакан на стол.

– Ну, что у тебя ко мне за дело?

– Понимаешь, Толя, у нас есть общий друг, Женя Звонков...

– Точно. – Толик хлопнул себя по лбу. – Точно. А я голову ломаю, где я тебя видел. В гараже. Подожди-ка, ты там какое-то старье восстанавливаешь.

Игорь усмехнулся:

– Вспомнил.

– Ты бы сразу с этого и начал, а то книжка, МУР. Кофе хочешь?

– Хочу. Но это потом. Сейчас у меня к тебе очень важное дело. Садись.

Толик сел. Игорь достал из кармана фотографию.

– Знаешь этого человека?

Толик взглянул мельком.

– А тебе зачем?

– Ты его знаешь?

- А то. Самый сладкий клиент.
 - То есть?
 - Ну, ресторан у нас до двадцати трех. Так?
 - Так.
 - А мы потом для своих начинаем работать. Ну а они платят.
 - Сколько?
 - А я не считаю, – усмехнулся Толик.
 - Этот хорошо платит?
 - Хорошо.
 - А ты ему поешь?
 - Пою.
 - «Дочь камергера», «Созрели вишни в саду у дяди Вани», «Поручик Голицын». Так?
 - Так.
 - А знаешь, откуда у него деньги?
 - Ты меня на голое постановление не бери. Откуда у него деньги – это твоя забота. И не смотри на меня так. Не надо. Нынче как: умеешь жить – заказываешь музыку.
 - А те, кто не умеет?
 - А те. – Толик засмеялся. – Так они дома сидят и телевизор смотрят. У нас по Конституции полная свобода волеизъявления. И не смотри на меня так, я все равно тебя не боюсь.
 - А мне не надо, Толик, чтобы ты меня боялся. Помоги мне.
 - А я не дружинник...
 - Это точно, но мне Женя Звонков сказал, что ты парень хороший.
 - Хороший парень в наши дни не профессия. И мне на нож лезть нет никакого интереса.
 - Значит, не столковались.
- Игорь встал, толкнул сигарету в пепельницу. Толик с интересом разглядывал его. Корнеев пошел к двери, обходя наваленные на полу запчасти к автомобилю, какие-то сумки, стопки книг.
- Открывая дверь, он хотел в сердцах хлопнуть ею. Да одумался вовремя. Коридор был так же темен и пуст. Игорю пришлось повозиться с замком.
- А дом уже доломали. Даже пыль осела. И победно раскачивалась клин-баба на тресе, и крановщик пил кефир, приложив к губам бутылку, словно трубу.
- Игорь закурил и пошел по переулку.

В кабинете Громова сидел начальник МУРа Кафтанов.

Громов переделался в форму и, как все люди, надевшие ее недавно, чувствовал свою необыкновенную значительность.

Значительность прибавляли огромный кабинет, в который Громов тоже вселился не так давно, и телефоны разного цвета, и селектор. В этом кабинете он не только работал, но и играл роль кого-то вельможного-важного, виденного давно-давно, в те далекие годы, когда он только пришел в горком комсомола маленького городка Пензенской области.

Громов смотрел на Кафтанова начальственно-печально, как на ребенка-несмышленища, и говорил ровным, тихим голосом:

- Андрей Петрович, дорогой, ну это же не дело. Звонит жена Сергея Степановича Черемисина. Вы, надеюсь, знаете, кто это?
- Да, имел сомнительное удовольствие говорить с ним по телефону.
- Да, Андрей Петрович, Черемисин крут, несдержан. Но и его понять можно. Такой человек – и вдруг у него машину угоняют. Я думаю, мы должны были первым делом, вне всякой очереди...
- А у нас не магазин, мы потерпевших с черного хода не принимаем.

– Полно вам, Андрей Петрович, не придирайтесь к словам. Я имел в виду, что есть люди, спокойствие которых мы обязаны оберегать в первую очередь.

– Борис Павлович. – Кафтанов забарабанил пальцами по столу. – Перед.

– Знаю, – засмеялся Громов. – Знаю, перед законом все равны, но товарищ Черемисин все-таки равнее других.

Кафтанов помолчал, глядя на портрет Дзержинского над столом Громова, потом сказал:

– А мы, собственно, нашли машину. Вернее, ее кузов и шасси.

– Как нашли?

– Очень просто. Ее украли, разобрали на запчасти, и мы располагаем данными, что сделал это Черемисин-младший.

– Сын Сергея Степановича? – Громов вскочил. – Чушь!

Кафтанов усмехнулся:

– Да, чушь! Я знаком с этой семьей и прекрасно знаю Виктора Черемисина. Да, кстати, известно ли вам, что Виктор Сергеевич Черемисин нигде не работает, постоянно торчит в ресторанах, играет в карты на крупные суммы?

– Откуда у вас эти сведения?

– МУР есть МУР, как сказал герой фильма «Дело „пестрых“» Софрон Ложкин.

– Послушайте, Андрей Петрович, мне не нужны ваши догадки и гипотезы. Мне нужен преступник, чтобы он сидел в этой комнате, а я с чистой совестью мог позвонить товарищу Черемисину.

– Борис Павлович, я повторяю вам, что все сходится на Викторе Черемисине.

– Вы тяжелый, несовременный человек, Кафтанов.

– Какой есть.

– Кстати, – Громов раскрыл папку, достал документ, – вот ваше представление о назначении майора Корнеева Игоря Дмитриевича начальником отдела. Вы его подписывали?

– Да.

– Но мы же предполагаем выдвинуть на эту должность подполковника Кривенцова.

– Борис Павлович. – Кафтанов старался говорить спокойно и сдержанно. – Борис Павлович, – повторил он, – майор Корнеев опытный оперативник, порядочный, честный, мужественный офицер. На его счету раскрыты весьма сложные, тяжелые преступления. Он проявил себя...

– Подождите-ка. – Громов хлопнул ладонью по столу. – О Корнееве потом. Вы считаете, что Кривенцов не обладает такими способностями?

– Я не берусь судить о подполковнике Кривенцове. Могу вам сказать одно: он не профессионал.

– Ну и что? Он же идет на руководящую работу! Понимаете, ру-ко-во-дя-щу-ю! Его дело – правильно направлять процесс в духе указаний.

– Начальник первого отдела не направлять процесс должен, а умело организовать оперативную работу. Кривенцов же в милиции всего четвертый год, да и то все это время просидел в приемной.

– У него большой опыт партийно-комсомольской работы. Он подтянет ваших сыщиков. Потом, ему расти надо. Не зря его из Моссовета сюда перевели. Посидит на полковничьей должности, получит третью звезду. Переведем куда-нибудь повыше, пусть руководит.

– Я оставляю за собой право обжаловать ваши действия, – по-служебному сухо отрапортовал Кафтанов.

Громов изумленно поднял брови:

– Вам что, звонок из министерства не указ?

– Нет.

– Хорошо. Я не хочу ссориться с вами. Пока, – многозначительно сказал Громов.

Это «пока» звучало предостерегающе. Предупреждение было в этом коротком слове.

– Теперь о Корнееве. – Громов вздохнул, всем видом показывая, как неприятен ему этот необходимый для пользы дела разговор. Он достал из стола папку, раскрыл: – Не очень хорошо характеризуется Корнеев. С женой разошелся. Пять лет назад было служебное расследование по применению оружия.

– Борис Павлович, времена прошли, когда за развод увольняли со службы.

– Времена-то прошли. А мораль? Мораль, дорогой мой главный сыщик, осталась та же. Вот по ее меркам мы и судим о поступках таких, как Корнеев. А что это за стрельба в Измайловском парке?

– Корнеев один задержал двоих вооруженных преступников!

– А зачем стрелял? Зачем создавал опасность для граждан? Нет, Андрей Петрович, как хочешь, а такие, как Корнеев, мне не по душе. Ну а теперь о том, чего ты не знаешь. Я его вчера выставил из ресторана «Архангельское». Вел он себя разнузданно, видимо, был пьяный. А ты начальником его делаешь. Нынешняя должность зама не для него. Понял?

Толик виртуозно втиснул машину в узкую арку. Дальше начиналось хитросплетение проходных дворов, арок, узких щелей.

Наконец, благополучно объехав детей, катавшихся на велосипедах, старушек, сидевших на лавке, спящих на асфальте ленивых котов и хрипло лающих собак особой породы «городская дворняжка», он вывел свою синюю «вольво» на пустырь, естественно образовавшийся в результате стихийной застройки и ставший кооперативным гаражом.

Металлические и кирпичные домики-гаражи образовали городок с улицами, переулками, тупиками. В один из таких тупиков въехал Толик. Створки дверей гаража были раскрыты, в глубине на яме стоял серенький «запорожец», около него ходил Желтухин, поминутно наклоняясь и заглядывая в яму.

Толик посигналил. Звук клаксона был особенно гулок в этом гаражном городке.

Из ямы вылез Женя Звонков, приветливо помахал рукой.

Толик подошел к нему:

– Привет.

– Ты подожди, я сейчас закончу, – ответил Звонков и вновь нырнул в яму.

Желтухин, ласково улыбаясь, подошел к Толику, протянул руку:

– Здравствуйте, Анатолий Максимович.

– Здравствуйте. Откуда вы меня знаете?

– Поклонник вашего таланта.

– Значит, папаша, с девочками ко мне ездите.

– Голубчик, какие в моем возрасте девочки. Заезжаю послушать песни своей молодости.

– Видно, лихая была у вас молодость.

– Всякая.

Желтухин подошел к «вольво», похлопал ее по синему крылу:

– Хороша.

– Не жалуюсь.

– А не боишься?

Желтухин хитровато прищурился. Лицо его собралось складочками, морщинками, и он стал похож на доброго гнома из мультфильма.

– Кого? – усмехнулся Толик.

– Хотя, правда, сейчас не спрашивают, откуда деньги. Теперь другое время: умеешь – живи.

– А вы, папаша, никак тоже из трудовой, но деловой интеллигенции? Не похоже что-то...

– На отдыхе я, Анатолий, на отдыхе. Старику много ли надо? Вот иногда могу себе позволить вспомнить молодость.

Толик посмотрел на крепенькую фигуру Желтухина, на его загорелое, будто бронзовое лицо, на седые, аккуратно подстриженные волосы и сказал:

– Да вы моложе нас всех выглядите.

– Степан Федорович, – подошел Звонков, – все, готова ваша машина.

– Спасибо тебе, Женечка. – Желтухин достал деньги. – Спасибо.

Звонков взял полусотенную бумажку, с недоумением посмотрел на Желтухина:

– Много, Степан Федорович.

– Мало, Женечка, мало. Ты мне как сын, так что бери, бери.

Желтухин пошел к машине.

– Круто распоряжается, – посмотрел ему вслед Толик.

– Широкий мужик.

Мимо них проехал и скрылся в переулках городка серенький «запорожец», только стук двигателя несколько минут бился о металлические стенки гаражей.

– У тебя что-нибудь с машиной?

– Да нет. – Толик сел на опрокинутый ящик.

– Так что с тобой?

– Приходил от тебя мент.

– Игорь?

– А кто его знает, Игорь он или Витя. Сказал, от тебя.

– Ты помог ему? – строго спросил Звонков.

– Нет. Пусть других стукачей ищет.

– Дурак ты, Толик.

Женя бросил ветошь, которой вытирал руки, и пошел к гаражу.

– Подожди, Женя!

– Ну чего? – Звонков обернулся.

– Ты считаешь, что я должен ему помочь?

– А ты как думаешь? Я не хочу возвращаться к нашему давнему спору, но ты здорово изменился, когда ушел из театра в ресторан.

– Знаешь, Женя, чья бы корова мычала... Ты тут тоже не за фантики работаешь.

– Да. Но есть разница. Я – рядовой инженер, а ты – композитор.

– Композитору тоже хочется есть в ресторане и ездить на хорошей машине.

– Ладно, прекратим этот бессмысленный спор. Ты напрасно не помог Игорю.

– Выходит, помощь ему – это вроде бы индульгенция мне. А я певец из кабака, вернее, из притона! Понял? И иди ты со своим Игорем!..

Толик зло хлопнул дверцей машины. Включил двигатель. Выжал газ. Заскрипели покрышки, машина на задней передаче вылетела из проулка, словно пробка из бутылки.

Кафтанов спускался по лестнице, молодо перепрыгивая через ступеньки, на ходу кивал почтительно здоровающимся с ним сотрудикам.

В вестибюле у лифтов он увидел Корнеева.

– Игорь Дмитриевич, – позвал Кафтанов.

Корнеев подошел, по-военному вытянулся.

– Вольно, – усмехнулся Кафтанов, – слушайте, что это за особые отношения у вас с полковником Громовым?

– У меня с ним нет никаких отношений.

Кафтанов внимательно посмотрел на Корнеева.

– Эта история в ресторане «Архангельское»?..

– Я приехал туда поговорить с руководителем оркестра, мне стало известно, что в ресторане бывает Тохадзе.

– В какое время вы приехали?

– В пятнадцать сорок.

– Ресторан был открыт?

– Нет. Закрыт на спецобслуживание. Там гуляли какие-то тузы.

– Откуда такие сведения?

– Тип и номера машин. Я попросил руководителя оркестра Анатолия Валина проехать со мной, но полковник Громов не разрешил ему этого сделать.

– Как?

– А очень просто, – зло сказал Корнеев. – Он меня выгнал вон из ресторана при официантах и музыкантах.

– Вы ничего не путаете, Игорь?

– Я-то нет, а вот полковник Громов перепутал меня с лакеем.

Корнеев говорил громко, и на них начали оглядываться сотрудники, стоящие у лифта.

– Хорошо, Корнеев, я разберусь.

Кафтанов повернулся и пошел к выходу.

И все время, пока он шел по вестибюлю, потом по двору, пока проходил вахту и даже на улице – он думал об этих странных разговорах.

Игорь Корнеев тоже думал о том же самом. Когда-то давно, еще в школе, класный руководитель Вера Федоровна прямо на уроке, при всех, прочла его любовную записку Лене Голубевой. Игорь выбежал тогда в коридор, провожаемый жестоким гоготом класса. Тогда он понял, что стыд осязаем. Ему казалось, что он липкий. Точно такое же чувство он испытал в ресторане, когда выгнал его Громов под сочувственно-ироническую усмешку метра. Возвращаясь домой, Игорь никак не мог понять, что же изменилось в их работе. За пятнадцать лет службы он перевидал всякое, но такого...

Месяц назад вытолкнули на пенсию начальника отдела полковника Комарова. Ему только-только исполнилось пятьдесят. Комаров был на зависть крепкий мужик и, главное, очень умелый сыщик.

Год назад убили известную киноактрису, звезду тридцатых годов. У нее похитили редкие драгоценности. Преступление совершили мастерски, без всяких следов. Родственников у актрисы не было, единственная дочь жила в Америке. Все, кто знал убитую, говорили, что она была очень осторожной, незнакомым вообще дверь не открывала.

Почти год Комаров бился с этим «глухим» делом. И все-таки потянул ниточку. Как только закрутилась машина сыска, дело у Комарова отобрали и передали в МВД, а его с почетом отправили на пенсию.

После торжественного прощания Комаров сказал Игорю, горько усмехнувшись:

– Если хочешь доработать до пенсии, занимайся только лимитчиками. Не дай бог тебе выше забраться.

Странно они жили, очень странно. В милицию на руководящие должности пришли новые люди. Дела они не знали, но четко знали, что такое выгода.

Одним из таких был Громов. И Корнеев понимал: пока власть у Громова, ему в управлении не работать. За невеселыми мыслями своими он так и не заметил, как дошел до «Кировской».

К ночи появился ветерок, потащил палую листву к памятнику Грибоедову. Она в неестественно желтом свете фонарей казалась грифельно-черной.

Игорь Корнеев ждал трамвая на площади у станции метро «Кировская».

И Пятницкая была почти пуста. Слава Голубев свернул в переулок и увидел у церкви темные «жигули».

Вспыхнули и погасли фары. Его ждали.

Слава влез в задний салон.

– Привет.

– Здравствуй, дорогой. – Нугзар Тохадзе улыбнулся весело. – Мы с Геной ждали тебя.

Поехали.

– Куда? – удивился Слава.

– В переулок, дорогой, или во двор, зачем на одном месте стоять.

Машина аккуратно развернулась и мимо станции метро поехала на Ордынку.

– Вот здесь и поговорим.

Тохадзе расстегнул сумку, вынул бутылку коньяка, стаканы.

* * *

Салон трамвая был пуст, только впереди сидел пожилой человек в светлой куртке. Он обернулся несколько раз, внимательно посмотрел на Корнеева.

Игорь сидел, прислонившись виском к стеклу, наблюдая, как плывут световые квадраты окон по темному тротуару; и валяющийся на нем мусор: скомканные пачки сигарет, осколки бутылок, картонки из-под молока – обретали в этом зыбком и скользящем свете некий новый, таинственный смысл.

Человек в куртке поднялся, сел рядом с Корнеевым. Посмотрел на него и спросил:

– Знаете, какая самая маленькая собака в мире?

– Нет, – удивленно ответил Игорь.

– Йоркширский терьер Сильвия. Ее рост девять сантиметров, а вес двести восемьдесят три грамма.

Корнеев повернулся и ошалело поглядел на незнакомца.

– А какая самая большая кошка в мире, знаете?

– Нет. – Игорь засмеялся.

– Ее зовут Химми, она живет в Австралии, длиной она метр, весит двадцать килограммов.

Трамвай начал тормозить.

Человек встал, пошел к выходу.

– Зачем вы мне об этом говорили? – крикнул Игорь.

– Я хотел, чтобы вы улыбнулись, – донеслось из уличной темноты.

Тохадзе распахнул дверь и выбросил пустую бутылку; она, зазвенев, упала в темноту.

– На, Славик, дорогой. – Он протянул ему сумку. – Здесь три бутылки такого же. Коньяк дорогой, хороший, ты в бане его поставь на стол, пусть эти козлы видят, что ты тоже человек.

– Слушай, Нугзар, оставьте вы меня в покое.

– Ты слышишь, Гена, дорогой, человек сам не знает, что говорит, клянусь честным словом. Сколько ты от нас получил? Молчишь? Ты оделся, обулся, копейка в кармане завелась. Слушай, разве на свои статейки ты мог бы так жить?

– Я книгу готовлю...

– Какую, слушай, книгу? Ты что, «Малую Землю» напишешь? Твоя фамилия Брежнев? Нет, ты Голубев. Слава Голубев.

– Что ты с ним говоришь, Нугзар? – резко повернулся Гена Мусатов.

Он посмотрел на Славу и дернул щекой:

– Ишь ты, писатель. В баню с солидняком ходит. С милицейским начальством за ручку. Ты – наводчик! Понял? Семнадцатая статья УК. Мы за грабеж пойдем, а ты за соучастие полу-

чишь. Так что сиди и не дергайся. В сумке не только коньяк, там штука, долг за прошлое. Нашел что-нибудь?

Слава достал бумажку, протянул.

– Там адрес, телефон, имя. Лешин Вадим из Внешторга, на три месяца в Лондон уехал. Дома одна жена. Мы выпивали, он Громову из милиции говорил, что у него дома и чеки, и деньги. Я у него был. Там техники много, украшения у жены есть.

– Вот это дело. А теперь иди. Мы позвоним.

Слава вышел из машины. Посмотрел, пока скроются огоньки, подошел к фонарю, расстегнул молнию сумки. Все верно. Три бутылки дорогого коньяка, пачка денег. Слава достал бутылку, сорвал пробку и начал пить прямо из горлышка.

Сделав два больших глотка, постоял, опустив бутылку в вытянутой руке. Потом с силой ударил ею по дереву.

Зазвенело стекло, потек по руке коньяк.

– Гад! – крикнул Слава в темноту. – Сволочь!

Он в бессильной ярости бросил бутылочный скол в стену дома.

Корнеев шел по темной улице Островского к старому своему дому.

Вошел в подъезд.

Вызвал лифт.

Поднялся на третий этаж. Открыл тяжелую дверь. Тихо прошел по коридору.

Он раздевался в темноте. Уличный фонарь освещал часть комнаты, блестел на глянце календаря, высвечивая лицо актрисы Фатеевой.

Игорь разделся, лег, глядя, как пляшет свет на потолке.

* * *

Гена Мусатов вышел из машины. Открыл дверь автомата, набрал номер.

Телефон не отвечал мучительно долго. Потом подняли трубку.

– Простите, ради бога, за поздний звонок. Это, Алла Сергеевна, Кузьмин Евгений Сергеевич из «Станкоимпорта»... Да... я друг Вадима Петровича... Да, из Лондона. Только прилетел... Да. Да. Он вам посылку шлет. Конечно. У меня посылка и письмо. Думаю, техника. Коробка больно тяжелая. Конечно, конечно. Коля дал мне адрес. Еду. Не беспокойтесь. Можете не причесываться. Я позвоню и передам вам прямо в дверь.

Гена повесил трубку.

Вышел, сел в машину.

– Ну, поехали.

Мужчина поднялся на постели, взял с тумбочки сигареты, зажег спичку.

– Кто это?

– От мужа посылка.

– Круглосуточная поставка фирменных вещей?

– Не злись, Сережа. – Алла поцеловала его в щеку. – У нас еще полчаса есть.

В прихожей зазвенел звонок. Алла накинула халат и пошла к двери. Свет в коридоре она не зажигала.

Повозилась с запорами, раскрыла дверь.

В квартиру ворвались двое.

Телефон звякнул, словно подавился, и Корнеев сразу же снял трубку.

– Корнеев, – хрипло со сна сказал он. – Так. Так. Давай машину.

В комнате, где еще вещи сохранили следы насилия, сидела рыдающая Алла и растерянный Сергей.

– Так, – сказал Корнеев, оценивая обстановку, – так. Вы кто?

– Я, – Сергей засуетился, начал доставать из пиджака документы, – я, собственно.

Игорь взял удостоверение, прочел, посмотрел сочувственно на него, усмехнулся и сказал:

– Ну, кто вы, собственно, догадаться нетрудно, поэтому я не буду спрашивать, почему вы находитесь здесь. Как было дело? Только кратко и точно. Ведь мы вроде как коллеги.

– Я лежал в постели. И вдруг услышал какой-то шорох в коридоре. Встал. В комнату ворвался человек с пистолетом.

– Как он выглядел?

– Высокий, на лице маска, одет в темный халат...

– Какой халат? – удивился Корнеев.

– В них мастера на производстве ходят.

– Что вы еще заметили?

– У одного бандита был пистолет ТТ, у второго – ПМ.

– Точно?

– В этом я разбираюсь. Потом, – Сергей закурил, подумал, – один говорил с грузинским акцентом.

– Они называли друг друга по имени?

– Нет. Они связали нас, потом накалили утюг докрасна и сказали Алле: или она отдаст деньги и ценности, или они ее прогладят.

– Дурак! Сволочь! Дурак! Это ты все! Ты! – давясь слезами, закричала Алла. – Ты! Ты!

– Что случилось, в чем вы его обвиняете?

– Гражданин Степанов сказал ей, чтобы она сама отдала ценности, не дожидаясь, пока грабители ее пытать начнут, – вмешался в разговор оперуполномоченный из райотдела.

– Это он... он! – на неестественно высокой ноте продолжала кричать женщина. – Паразит!

– Много они взяли? – спросил Корнеев.

– Двадцать тысяч рублей, пять тысяч чеками, драгоценности, две видеосистемы, – пояснил оперативник.

– По такой сумме заголосишь.

Корнеев вышел в коридор, вызвал приехавшего с ним старшего оперуполномоченного Булыгина.

– Витя, – Игорь достал сигарету, – это Тохадзе? Как твое мнение?

– Думаю, что да.

– Но кто навел? Может быть.

– Ты думаешь, Сережа этот? Нет. Наводчик был другой.

– Начинай отрабатывать связи. Уехавшего мужа, да и потерпевшей этой.

* * *

Подполковник Кривенцов приводил в порядок кабинет. Его предшественник не очень возвышал себя как начальник, поэтому к атрибутам рабочего места он относился легкомысленно и незрело.

Кривенцов же наводил порядок что надо. Сначала он повесил два портрета руководящих работников на стене прямо над телефоном, приколотил окантованную фотографию, на которой он был запечатлен рядом с молодым генерал-полковником замминистра МВД.

На столе появились папка с тиснением «К докладу», перекидной календарь из гознаковской бумаги, всевозможные стаканчики с фломастерами, подставки для ручек, микрокалькулятор.

Оглядев все это придирчивым глазом, нанес последний штрих – положил на самое видное место три книжечки: «Малая Земля», «Возрождение» и «Целина».

Только теперь он был готов принять сотрудников.

А они – все оперативники отдела – толпились в коридоре, курили, пересмеивались.

– Корнеев, – сказал высокий, плечистый Коля Ермаков, – ты же замнач, пойдешь спроси, сколько нам здесь толочься?

– Сейчас Кафтанов придет, – ответил Корнеев.

– Кафтанов не придет, – вмешался в разговор Алик Сухов.

Он был самый молодой, но тем не менее постоянно был в курсе всех слухов.

– Не придет Кафтанов, – продолжал он. – Андрей Петрович был против назначения Кривенцова, поэтому и нашел предлог, сказал, что уезжает на территорию.

– Ох, Алик, – Корнеев бросил сигарету, – не доведет тебя твоя осведомленность до добра.

– Вы что, не верите мне, Игорь Дмитриевич?

– Да верю, Алик, верю.

И тут Алик заметил, как вдруг неожиданно изменилось лицо Корнеева. Он стоял и смотрел в глубь коридора, по которому шел полковник Громов: элегантно-улыбчивый, демократичный, свойский. Он вежливо со всеми раскланялся и скрылся в кабинете Кривенцова. Вскоре туда пригласили всех.

Офицеры по старой привычке заняли каждый свое место. Только Корнеев, как всегда, не сел за приставной столик, а остался стоять, прислонившись к стене.

– Товарищи, – Громов оглядел собравшихся строгим, но вместе с тем каким-то покровительственно-отеческим взглядом, – я хочу представить вам Станислава Павловича Кривенцова, нового начальника вашего отдела. Подполковник Кривенцов в органах не так давно, но за его плечами большой опыт комсомольской и партийной работы, а также службы в советском аппарате.

Громов помолчал, ожидая вопросов. Их не последовало. Тогда он предложил:

– Я вижу по вашим лицам, что некоторые не согласны с таким решением вопроса. Да, подполковник Кривенцов в уголовном розыске не работал. Но у него есть главное – умение руководить, претворять в жизнь те решения, которые будут приняты. А такие люди ценятся везде. У меня все.

При этих словах Громов покинул кабинет.

В комнате воцарилась тишина.

Первым ее нарушил Кривенцов:

– Я тут на досуге полистал дела, которыми вы занимались. Не порадовали они меня, так сказать. Много нераскрытых. Сроки нарушены. Это и показатели. С такими цифрами, так сказать, наверх не пойдешь. С этой безответственностью пора кончать. Всем даю срок десять дней. Мобилизуйтесь, найдите внутренние резервы. И хватит этой порочной практики. Руководство страны прямо говорит, что нет у нас ни наркомании, ни проституции, а рост преступности, так сказать, стремительно падает. А у нас в отделе что? Придут товарищи, так сказать, посмотрят. Не столица развитого социализма, а Чикаго. Пора с этим кончать.

В коридоре к Игорю подошел опер Борис Логунов.

– Ну, что скажешь? – спросил он.

– Наплачемся мы с ним, – ответил Корнеев.

– Да разве это главное, Игорь?

– Ты прав, этот руководящий сноб будет всячески мешать работать.

– Я хочу рапорт, Игорь, подать о переводе.
– Куда ты собрался?
– В штаб, бумажки писать.
– Ты не сможешь, не выдержишь.
– Выдержу, Игорь. Ты понимаешь, что мы перестали быть сыщиками? Мы диспетчеры, которые переносят бумажки. Помнишь дело Рогова? Сначала звон литавр, а как копнули глубже, как вышли на неприкасаемых, так сразу команда: руби концы.

Корнеев молчал.

– Ну, что ты молчишь? – почти крикнул Логунов.

Корнеев открыл дверь кабинета, вынул из шкафа кофеварку.

– Кофе хочешь, Боря?

– Ничего я не хочу, Игорь. Ничего.

Шумно и весело было в ресторане. Как всегда, все столики заняты. Парад туалетов от европейских престижных домов, драгоценностей, взятых неведомо откуда. Парад наглости и дармовых денег.

Толик вышел на эстраду, оглядел зал. Усмехнулся. Он знал, чего от него ждали. Оркестр заиграл, и он запел.

О прошлом пел Толик, но песня была новая, недавно написанная. И была в ней горечь последних дней Крыма, и был в ней нэпманский разгул, и даже злость была.

Зал затих. Доставала эта песня тех, кто сидел за столиками, заставленными жратвой и выпивкой. Неопределенностью своей доставала, зыбкостью. Прозвучал последний аккорд. Толик поклонился и объявил в микрофон перерыв.

– Толик! Толик! – кто-то позвал его из зала.

Толик посмотрел и увидел Тохадзе.

Нугзар сидел с какой-то девушкой и махал ему рукой. Толик спрыгнул с эстрады, пошел между столиками, улыбаясь знакомым, пожимая протянутые руки. Здесь его знали все, и он знал всех, ибо они приезжали в ресторан послушать его песни.

– Привет, – сказал Толик, усаживаясь за стол.

– Здравствуй, дорогой. – Тохадзе налил шампанское в фужер, подвинул Толику. – Выпей за мою Алену. Ты когда-нибудь видел такую... – Тохадзе обнял за плечи молчаливую и действительно очень красивую девушку.

– Ваше здоровье. – Толик поднял бокал.

Алена молча, царственно кивнула и выпила свой бокал до дна.

Толик чуть пригубил.

– Почему не пьешь, дорогой? Почему? Меня не уважаешь? Алену? – в сердцах заговорил Нугзар, долгим взглядом посмотрел на молчавшего Толика, засмеялся. – Я знаю, ты не такой. Ты наш человек. Спой нам: мне и Алене. Спой такую песню, чтобы я заплакал.

– У нас перерыв, Нугзар. – Толик взял сигарету, закурил.

– Слушай, какой перерыв?.. – Тохадзе вытащил из кармана пачку денег, отделил от нее сотенную бумажку, бросил на стол. – Пой.

– Нет, Нугзар. Люди устали.

– А ты?

– Я тоже.

– Слушай, – голос у Тохадзе стал угрожающе резким, – слушай, дорогой, что за дела. Я плачу вам. Может быть, добавить? Да вы... за такие деньги что угодно сделаете...

Толик вспыхнул, погасил сигарету прямо в тарелке Тохадзе, встал и пошел к выходу.

Алена молчала, улыбалась ему вслед.

Тохадзе дернул щекой и выругался по-грузински.

Толик вышел из зала, спустился по служебной лестнице вниз, открыл дверь с надписью «Администратор». В кабинете закурил, сел у стола, снял телефонную трубку.

– Алена, – Тохадзе обнял ее за плечи, – мы сейчас поедem к тебе.

Высвеченная матовыми фонарями аллея была пуста, и из дверей ресторана доносилась музыка, невдалеке, за рощей, шумело шоссе.

– Алена, со мной ты будешь безмерно счастлива, у тебя будет все. Пошли скорее, – нетерпеливо тянул ее за руки Нугзар.

У темной купы кустов аллея резко поворачивала.

Тохадзе даже не заметил, откуда взялись эти двое. Они заломили ему руки, и он закричал, вырываясь.

– Милиция! – крикнула обретшая дар речи Алена.

– Здесь милиция, – сказал подошедший Корнеев.

Он расстегнул молнию на кожаной куртке Тохадзе и вынул из внутреннего кармана пистолет ПМ.

– Руки.

Щелкнули наручники.

– Вам, девушка, тоже придется проехать с нами.

Алена невозмутимо кивнула.

...Черный коридор был пугающе длинный. Игорь включил свет. Никогда не запирающаяся его дверь. Дверь с целым набором замочков Клавдии Степановны. И третья дверь с сургучной блямбой печати.

Игорь прошел на кухню, вынул из ящика пачку кофе, взял кофейник, поставил на газ.

В коридоре послышалось шарканье тапочек, и вскоре появилась Клавдия Степановна. Маленькая, седенькая, добрая.

– Ты, может, хочешь есть, Игорек?

– Спасибо, Клавдия Степановна, не хочу.

Игорь присел на табуретку, достал сигарету:

– Ничего, если я закурю?

– Кури, кури. Может, погреть тебе котлет?

– Спасибо.

– Где же ты ешь? Целый день гоняешь по городу голодный?

– Милая Клавдия Степановна, в нашем городе так много мест, где можно поесть.

– Разве это пища, так только язву наживают.

– А жить вообще вредно, милая Клавдия Степановна, от этого умирают.

Соседка посмотрела на Игоря, печально улыбнулась:

– Ты все-таки поешь. Я целый час в очереди простояла, а мяса купила.

– Это подвиг.

– Все смеешься. А ты попробуй протолкнись, у каждого магазина по пять автобусов из Тулы да Рязани.

– Там люди тоже есть хотят.

Клавдия Степановна махнула рукой, оставляя за собой последнее слово, вышла из кухни.

А Игорь налил в чашку густой черный кофе, закурил.

Он сидел, бездумно глядя на старые сломанные часы с выпрыгнувшей и не успевшей спрятаться кукушкой, и мелкими глотками пил кофе.

* * *

Шашлык жарили прямо у реки. Рядом с мостками, к которым был пришвартован катер. Шашлык жарили Гена Мусатов и шофер.

Михаил Кириллович и двое гостей сидели в пестрых легких креслах.

Дым от мангала низко стелился по земле и уходил вверх, в сторону дачи, стоящей у обрыва.

– Хочу здесь беседку поставить, да боюсь, начнутся разговоры: мол, нескромно. – Михаил Кириллович встал, потянулся. – А почему, собственно, нескромно? Батяка мой, Кирилл Петрович Мусатов, сапоги надел впервые на военной службе. Нас у матери пятеро было, так мы не то что сахара – хлеба вдоволь не видели. На поле работали с утра до вечера не хуже взрослых. Думаю, что теперь и пришло наше время. Мой батяка с винтовкой бегал, чтобы его сын жил как подобает.

– Прав ты, Михаил Кириллович, ох как прав, – сказал один из гостей.

Он тоже встал. Но в отличие от крупного, барственно-породистого Мусатова был небольшого роста, кругленький, лысый.

– Вот тебе, мне, Леониду Федоровичу, – он кивнул в сторону третьего гостя, – страна поручила руководить крупнейшими отраслями хозяйства. Просто так кому попадая не поручат? Конечно, нам за это блага всякие. Сознательные люди, настоящие партийцы, это понимают. А населению мы ничего объяснять не обязаны.

– Прав ты, Леонид Федорович, – Мусатов опять опустился в кресло, – я что, сразу здесь очутился? Нет. Крестьянскую долю познал. Деревенским комсомолом руководил. Потом учился. Потом был в штате Днепропетровского обкома ВЛКСМ. В войну снабжением Ленинграда руководил. Ужасы блокады для меня не книжка. Потом в Молдавии, в Совмине. Теперь – в Москве...

Шофер и Гена поднесли стол, установили его так, чтобы из любого кресла было удобно дотянуться до закуски.

Расставили бутылки, блюдо с шашлыком. Леонид Федорович взял бокал, наполненный вином, отозвал Мусатова в сторону.

– Ну говори, – усмехнулся Михаил Кириллович.

– Три «Волги» нужно.

– Как нужно-то?

Леонид Федорович провел ребром ладони по горлу.

– Ну, если так... – Мусатов внимательно посмотрел на него.

– Деньги я привез.

– Хорошо. Мое слово – печать.

Они вернулись к столу, за которым Пал Палыч одиноко расправлялся с шашлыком.

– А Геннадий-то у тебя, Михаил Кириллович, орел.

– А что делать? Сын с супругой в Штатах, дочка с мужем в Швеции. Сестра, умирая, просила: не оставь Геннадия. Живет со мной. Парень хороший. Я его завлабом во ВНИИ автомобильном устроил. Работает. Устрой его в торгпредство куда-нибудь. В Норвегию или Данию.

– Женить его надо, – раздумчиво сказал Пал Палыч.

– Вези дочку, окрутим, – захохотал Мусатов-старший, – пора и нам свои роды да династии создавать, не все же другим.

Пал Палыч и Леонид Федорович чокнулись с Михаилом Кирилловичем.

– Значит, вас зовут Елена Семеновна Лужина? А Алена – это, как я понимаю, имя для интимных друзей.

- Каких друзей? – переспросила Алена-Лена.
- Голос у нее был хриплым, словно простуженным.
- Для интимных, – повторил Корнеев.
- Алена, удобнее так.
- Вы где работаете?
- Я поступаю на курсы стюардесс.
- Как я понял из рассказа вашего участкового, поступаете вы уже пять лет на эти курсы.
- Ну и что? Мое дело, чем я занимаюсь. Не ворую.
- Ну, оставим эту сложную тему в покое. Откуда вы знаете Тохадзе?
- Мы с ним в «Интерконтинентале» познакомились.
- При каких обстоятельствах?
- Я в баре сидела, а он подошел. Вот и все обстоятельства.
- А вам известно, чем он занимается?
- Солидный, деловой парень. Он сказал, что в торговле работает.
- Вы часто виделись?
- Вчера второй раз.
- Ну что ж, идите.
- Куда?
- Вы свободны.
- Алена поднялась, взяла со стола пропуск.
- Вошел Боря Логунов:
- Ну что?
- Она видела его второй раз. А что Тохадзе?
- Берет на себя, сообщников не называет.
- Ну что ж, пошли к нему.

Было еще совсем рано, когда «Волга» въехала в Козицкий переулок. Редкие прохожие сразу же обратили внимание на нее. Уж больно разукрашена была машина: фары, колпаки, зеленые козырьки над стеклами. Да и стекла необыкновенные. Чуть солнце появилось, и они затемняются.

Сразу видно, что хозяин любит свою машину. Любит и гордится ею.

У дома 2 «Волга» остановилась. Из нее вышел человек среднего роста, модно одетый. Оглядел окна, вошел в подъезд.

Желтухин на кухне пил кефир с плюшкой. Кухня была чистая, уютная, как у хорошей хозяйки. Весело блестели на солнце баночки для специй, кастрюли, медные бока самовара, импортный портативный телевизор. Желтухин пил кефир медленно, торопиться ему было некуда. Внезапно раздался звук, словно включили сирену.

И вспыхнула лампочка в стоящей на столе маленькой панели.

Это был условный сигнал. Пришел свой. Человек, знающий, где расположена секретная кнопка звонка. Желтухин аккуратно вытер рот салфеткой и пошел открывать дверь.

А дверь в квартире Желтухина была как в крепости. Толстая, обитая железными полосами, с целой системой сложных замков.

Желтухин посмотрел в глазок и начал отпирать запоры. Наконец дверь распахнулась. В квартиру шагнул Гурам Тохадзе.

Хозяин и гость обнялись.

– Ну здравствуй, здравствуй, Гурамчик, – ласково то ли пропел, то ли проговорил Желтухин. – Давно не был. Забыл старика.

– Здравствуйте, дорогой Степан Федорович, здравствуйте.

Они вошли в комнату.

Тохадзе огляделся. Занавески из ситца. Репродукции на стенах. Деловая отечественная мебель. Только в углу сверкающий куб дорогого японского телевизора и видеоприставки.

– Скромно живешь, дорогой. Очень скромно. Разве такой человек, как ты, так жить должен? – Тохадзе хлопнул ладонью по столу. – Не ценят тебя в Москве, не ценят. Ты к нам приезжай, в Батуми. Первым человеком будешь. Почет, уважение. Мы тебе сыновьями станем.

– Спасибо, Гурамчик, спасибо, дорогой. Мне, старику, чего надо-то? Малость самую: кефирчику, кашку да хлебушек белый. – Лицо Желтухина собралось морщинами. – Мне главное, чтобы у друзей все миром да путем было.

Добрый, ласковый стоял перед Тохадзе Желтухин. Да только глаза жили отдельно от морщин, ласкового голоса. От всего желтухинского обличья заботливого старичка. Холодными были глаза. Цепкими, безжалостными.

– Знаю, дорогой. – Тохадзе опустил на стул. – Горе меня к тебе привело, горе.

– Говори.

– Брата, Нугзара, арестовали.

– Об этом можешь мне, Гурам, не говорить. Знаю я кое-что о твоём брате, знаю. С трудным делом ты ко мне пришел.

– Я, дорогой Степан Федорович, к тебе, как к отцу, пришел. Помогите. Ты нас с Нугзаром знаешь. Мы тебе как сыновья были. Нугзар по любому твоему слову все делал...

Желтухин поднял руку. Тохадзе замолчал.

– Брат твой не бесплатно все это делал. Понял? А потом, разве я его людей грабить посылал? А?.. Молчишь. Ты просил – я его в дело взял. Кусок хлеба с маслом да куш дал. А он как нас отблагодарил? В налетчики пошел. Теперь свободу себе покупает, всех нас заложит.

– Что ты! Что ты! – Гурам Тохадзе замахал руками.

– Конечно, я его выручу, только стоить это будет дорого. Понял?

– Как не понять, дорогой, понял, конечно.

– Дело ты мне предлагаешь трудное, значит, и стоит оно дорого.

– Сколько?

Желтухин положил на стол растопыренную пятерню.

– Можно.

– Это пока. И запомни: освободить я его не сумею. Пока... Сейчас думать надо о том, чтобы ему статью помягче дали. А там уж посмотрим. Понял, Гурам?

Кривенцов сидел за столом и читал документы по делу Тохадзе.

Корнеев стоял у окна, разглядывая знакомые до последней трещины крыши домов.

– Ну что ж, так сказать, хорошо. Есть о чем доложить наверх. Есть. Заканчивайте быстрее.

– Станислав Павлович, мне хотелось бы поработать с Тохадзе подольше, у меня есть предположения, что он замешан в двух убийствах.

– Они за ним числятся?

– Нет. Одно в Московской области, а одно в Туле.

– Игорь Дмитриевич, ну зачем тебе эти «висяки», пусть у областников голова болит да туляки почешутся. Какое нам до этого дело? Заканчивай с Тохадзе.

– Но мне нужно еще дней десять.

– Пять. Понял? Пять.

Корнеев кивнул и пошел к двери.

– Слушай, Корнеев. – Кривенцов встал из-за стола, подошел к Игорю. – Тут дело деликатное есть. Надо руководству помочь.

– Что за дело?

– Вот. – Кривенцов щелкнул замком сейфа, достал папку. – Дело по угону автомашины у товарища Черемисина. Слышал о таком?

- Только по телевизору.
- Вот-вот, так сказать, большой человек. А у него машину угнали.
- Так угонами другой отдел занимается.
- До чего же ты, Корнеев, непонятливый человек. Это же Черемисин. Понял? Черемисин.
- Да хоть сам.
- Ты что, ты что, – прервал его Кривенцов, – так сказать, такое имя все. Ты лучше своего Тохадзе попроси, пусть на себя этот угон возьмет.
- Что?!
- Пусть на себя возьмет угон машины Черемисина.
- Да вы в своем уме предлагать мне такое?
- Так, – сказал Кривенцов, – понятно. Потащишь в партбюро – откажусь, докажу, что ты хочешь меня оклеветать. Понял?
- Ну и сволочь ты, Кривенцов. Ох, какая же сволочь.
- А это я запомню.
- Корнеев вышел, в сердцах саданув дверь.

В кабинете Михаила Кирилловича телефонов было много. Они стояли на столе и на специальной тумбе. Только этот, старого образца, беленький телефон одиноко притулился на полочке. Сейчас он звенел тонко и переливчато.

Мусатов снял трубку.

– Да... Здорово... Знаешь, я, когда звонок этого аппарата слышу, сразу на сердце легче: друзья звонят. Да. А что за спешка такая. У всех дела. Ну ладно, ладно, приеду. А где там. Давай. Жди.

Мусатов положил трубку, забарабанил пальцами по столу. Нажал кнопку звонка.

В кабинете появился помощник.

– Коля, я тут уеду на пару часиков. Понял?

– Понял, Михаил Кириллович.

Помощник распахнул стенной шкаф, достал плащ, подал его своему шефу так, как швейцары подают пальто в ресторанах.

Довольный, Мусатов благосклонно кивнул и вышел из кабинета.

Корнеев и дежурный по изолятору, пожилой старший лейтенант, шли по тюремному коридору.

– Он голодовку грозит объявить. Поэтому я тебя, Игорь, и вызвал. Или тебя теперь «товарищ майор» называть?

– Да что ты, дядя Сережа! Ты же меня еще младшим лейтенантом помнишь, – засмеялся Игорь.

– Я-то помню. Только некоторые об этом забывают.

– Не ворчи, дядя Сережа. Где он?

– В шестой.

Подошел старшина-надзиратель, открыл камеру.

Тохадзе в разорванной рубашке сидел на нарах. Был он всклокочен, небрит. На столике стояли миски с едой.

– Встать, – скомандовал дежурный.

Тохадзе молча поднял голову.

– Почему вы отказываетесь от пищи? – спросил Корнеев.

– Пища! – хрипло закричал Тохадзе и вскочил. – Ты, мусор!.. Где ты пищу видишь? У нас свиней кормят лучше. Понял?

– Может, мне в «Арагви» съездить? – прищурился Корнеев.

– В Батуми позвони, брату, пусть еду привезут!

– По мне, Тохадзе, ты и тюремной пайки не стоишь. Тебе на свете вообще жить нельзя.
– Это не тебе, мент, решать! Суду!

– Запомни: не будешь есть – начнем кормить насильно. У нас нервы крепкие. Пошли.
Дверь камеры захлопнулась.

Тохадзе вскочил, закричал что-то гортанное по-грузински. Схватил со стола миску и бросил в дверь. Корнеев и дежурный остановились.

– Миску бросил, – сказал дежурный.

...До чего же тихо и красиво осенью в Сокольниках! Днем в парке пусто. Только гуляют несколько молоденьких мам с колясками да одинокий художник устроился у пруда. Неяркое солнце добавляет золото в краски осени. Заканчивается сентябрь безветрием и яркостью.

Желтухин прошел мимо художника, заглянул через плечо.

Художник, недовольный, обернулся.

– Извините, я так, любопытствую.

Желтухин обогнул озеро, сел на лавочку. Посмотрел прищурившись, как блестят солнечные блики на воде, достал пачку «Казбека». Долго обнюхивал папиросу, потом закурил.

Он сидел, бездумно покуривая, а глаза внимательно следили за аллеей. Ждали.

Мусатов появился стремительно. Шагал энергично, раскидывая туфлями листву.

Он подошел к скамейке, сел.

– Ну? – спросил отрывисто и зло.

– Миша, – Желтухин вздохнул, – ты посмотри, красота-то какая. Меня осень успокаивает. Душой я отдыхаю в такие дни...

– Ты меня за этим позвал? – зло спросил Мусатов.

– А хоть бы и за этим, Миша. Ты забудь, забудь о посте своем. Стань нормальным-то. Добрее стань. Проще. Может, последний раз мы с тобой такую-то осень видим. Мы же, Миша, с тобой как братья. Это у тебя родственников полный дом, а у меня ты один. Дружба наша с тех горьких блокадных дней началась.

– Ишь ты, как у пенсионеров на сборе заговорил. «Горькие блокадные дни». Не очень они для тебя горькими были.

– Ты, Миша, путаешь что-то. Это для тебя они слаще молока стуженного. Тебе и медальку за питерские дни, и два ордена. А мне? – Голос Желтухина стал жестким, злым. – Мне что, Миша? Срок. А потом паспорт чужой. А дело одно делали. Людей голодных обирали.

У Мусатова лицо дернулось. Он хотел что-то сказать, но не смог. Так и глотнул воздух открытым ртом.

– Да, Миша, мародеры мы. Капитал свой на голодных сделали. Только ты все сберег, а я потерял. Но на следствии ох как меня крутили, о тебе молчал. Поэтому ты государственный человек, а я никто.

– Никто! – Мусатов усмехнулся. – Деньгами, наверное, стены оклеены.

– А зачем они мне, деньги-то? На кашу да творожок мне пенсии хватает. Может, эти-то деньги – компенсация мне за жизнь загубленную.

– Только не плачь, Степа, каждый сам себе жизнь выбирает.

– Вот это ты точно сказал, Миша, точно, поэтому дело у меня к тебе.

– Может, хватит дел?

– Нет, Миша, не хватит. Я тебе о Ленинграде и сроке не зря напомнил. Ты ведь все понял, умница моя? Понял, конечно? – Желтухин посмотрел на Мусатова и улыбнулся. – Вижу, что понял. Противен ты мне, Миша. Я-то вор, а ты еще хуже.

– Но, ты!.. Полегче.

– Не нравится? А валюту скупать да доченьке с сыном передавать нравится?

– И это знаешь?

– Все о тебе, Миша, знаю. Все. И хватит, о деле теперь. Позвони Громову. Его орлы Нугзара Борисовича Тохадзе арестовали.

– За что?

– Скажем так, за дело. За грабежи.

– Ты с ума сошел! Чем же я тебе помочь могу?

– Можешь. Громов тебе в рот смотрит. Попроси, мол, сын друга, туда-сюда. Он ему грабеж на квартирную кражу переквалифицирует. Вот и все. Мы его потом в лагерь, в Грузию, а там его выкупят. Пусть только Громов его дело у Корнеева заберет, и все, а там уж...

– Сколько? – спросил Мусатов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.